

В. В. Репин

СОВЕТСКАЯ «ПОДПОЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ МОСКВЫ В БЕССАРАБСКОЙ ПРОБЛЕМЕ В 1924 г.*

В первой половине 1920-х гг. параллельно с официальной дипломатией Москва стремилась повлиять на внутривосточную ситуацию в Бессарабии, используя возможности и инструменты Коминтерна и своих спецслужб («Закордот», «Активная разведка») для организации в крае восстания под лозунгом присоединения к СССР. Пик деятельности советской агентуры пришелся на 1924—1925 гг., но явные неудачи вышедшего из-под контроля центра стихийного повстанческого движения привели к сворачиванию этой политики.

In the first half of the 1920s., in parallel with the official diplomacy, Moscow sought to influence the political situation in Bessarabia, using the means and tools of the Comintern and different intelligence services («Zakordot», «Aktivnaja razvedka»), for the organization in the region of the insurgent movement under the banner of joining the Soviet Union. The peak activity of Soviet agents came in 1924 — 1925 culminated in the Tatar-Bunar uprising in 1924 severely suppressed by the Romanians. But obvious failures out-of-control spontaneous rebel movement led to the folding of this policy.

Ключевые слова: бессарабская проблема; советско-румынские отношения; Венская конференция 1924 г.; Татар-Бунарское восстание 1924 г.; Коминтерн.

Keywords: Bessarabian problem; Soviet-Romanian relations; Vienna Conference 1924; Tatar-Bunar uprising 1924; Comintern.

События 1924 г. на бессарабском направлении советской дипломатии были обусловлены масштабной дискуссией в Политбюро и НКВД касательно выработки стратегической линии политики Москвы в бессарабском вопросе. В результате были приняты в расчет два ключевых подхода советского полпреда в Великобритании Х. Г. Раковского, которого поддерживал нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, о недопустимости в какой-либо форме признания румынского суверенитета над краем в обмен на другие дипломатические уступки, а также значимость бессарабской проблемы как индикатора советской национальной и международной политики в отношении всех других национально-территориальных проблем Центральной и Балканской Европы [1].

Дипломатические результаты Венской конференции 1924 г. и ожидание новых революций на Балканах. После срыва Венской советско-румынской конференции (март — апрель 1924 г.) среди западных советских лимитрофов советская позиция, заявленная по бессарабскому вопросу и сводящаяся к требованию проведения плебисцита в крае, игнорирующая совершившийся факт инкорпорации Бессарабии в состав Румынии, была оценена как недружественная и провокационная [2, с. 6; 3, л. 105]. Однако надежды на революцию в самой Румынии были в 1924 г. уже нереальны: румынские коммунисты не имели широкой социальной базы в стране. Поэтому курс на нормализацию отношений с Западом проявился в формальном отказе от военных акций против Румынии. Г. В. Чичерин подтвердил в разговоре с фран-

* Статья выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2011—2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» (ГПНИ «История, культура, общество, государство»).

цузскими дипломатами А. Брианом и Ф. Бертелло в декабре 1925 г., что некоторые советские начальники вынашивали планы напасть на Румынию, но советское руководство категорически отклонило их. Правда, это не мешало наркомату обороны разработать военно-оперативные планы на случай войны с потенциальными противниками, среди которых был, конечно, и днестровский сосед СССР [4, с. 736; 5, с. 179; 6, с. 269].

Оставались и недипломатические средства международной политики Москвы, представленные Коминтерном и советскими спецслужбами за границей. По определению российских архивистов-балканистов, термин «подпольная дипломатия» применим для характеристики комплекса органов Коминтерна, ИНО ОГПУ и внешней разведки в отношении балканских стран, считавшихся в 1920-е гг. важным резервом мировой революции [5]. Этот ресурс было возможно использовать для инспирирования восстания в Бессарабии под лозунгом присоединения края к СССР. Факт народного выступления давал некоторую законность возвращения края в глазах тех западных политиков, кто был склонен считать Бессарабию чисто румынской проблемой. Использовать национально-революционный фактор для достижения своих целей в государствах Запада, в частности в Румынии, призывал еще Л. Д. Троцкий в статье «Мысли о партии» в марте 1923 г. [7, с. 123, 129]. В ноябре 1923 г. М. В. Фрунзе не раз заявлял, что Европа вступает в новую полосу революционных потрясений [8, л. 21]. Благоприятным условием для развития революционного движения в Бессарабии была дискриминация нерумыноязычного населения края, в первую очередь украинцев и русских. После запрещения в апреле 1924 г. деятельности румынской компартии на территории края под руководством советских спецслужб (Разведупра, включенного в структуры РККА) создавались вооруженные отряды крестьянства, организовывалась связь, снабжение и руководство диверсионными отрядами за Днестром («Активная разведка», основанная на более ранней практике «Закордонщины», как она называлась на правом берегу Днестра). В справке «Положение в Румынии к сентябрю 1924 года» говорилось, что на территории Бессарабии, главным образом в южных районах, «существует тайная организация [Союз революционных крестьян Бессарабии], находящаяся под сильным влиянием коммунистов и насчитывающая до 3 тыс. человек». Здесь же отмечалось, что «движение в Бессарабии и Добрудже, самостоятельно, без помощи извне не сможет иметь успеха и будет задушено вооруженной силой». Как видим, вопрос о восстании был тесно связан с помощью с востока [9, с. 113, 114, 154, 344]. Советская пропаганда оперировала данными о следующей динамике восстаний в Бессарабии: в 1922 г. — 52; в 1923 г. — 46; до октября 1924 г. — 35 [10, с. 4].

Татар-Бунарское восстание 1924 г.: дипломатический и информационный эффект. В ряде советских документов 1924 г., касающихся кругов близкой к армии большевистской элиты, отчетливо видно стремление заняться организацией восстания в Бессарабии, что можно связать с реанимацией стратегической линии на мировую революцию. Об этом свидетельствует письмо М. В. Фрунзе И. В. Сталину от 6 августа 1924 г. о перспективах международной изоляции Румынии в условиях восстания в Бессарабии: «Мне кажется, что надежда на изоляцию Румынии не беспредметна. И во всяком случае, раз приходится серьезно считаться с перспективой нашего удара по Бессарабии, с Польшей нужно всячески кокетничать». В записке, представленной в политбюро ЦК, Фрунзе доказывал, что если советская дипломатия в отношении Польши предпримет «пацифистские» акции (экономическое сближение), то «весьма возможно, что “восстание” в Бессарабии не вызовет польской мобилизации». По сведениям польской разведки, 9 июля 1924 г. Л. Д. Троцкий поднял вопрос о проведении военных действий на южных и западных границах, предложив установить сроки восстания в Бессарабии и Галиции, однако политбюро отклонило этот проект [11, л. 24].

Румынские власти не подвергали сомнению организаторскую роль советской стороны в Татар-Бунарском восстании 15—18 сентября 1924 г. В документах польской разведки, донесениях военного атташе в Бухаресте восстание называлось результатом диверсионной дея-

тельности засланных большевистских групп [12, л. 7]. В парламенте заместитель госсекретаря МВД Г. Татареску обвинил Россию в помощи Коминтерну в создании баз бессарабских революционеров в украинских городах. Он заявил: «Мир с Советами не означает мира с III Интернационалом». Правительственные газеты прямо называли Советский Союз организатором восстания. Факты, установленные следствием, говорили о том, что руководители выступления прибыли в край из-за Днестра и обещали вооруженную помощь Советов; лозунгом восстания было присоединение к Молдавской АССР [13, р. 238—245]. Материалы по Татар-Бунарскому восстанию направлялись через ИНО ОГПУ все тому же Фрунзе, которого в западной прессе называли сторонником решения бессарабского спора вооруженным путем [2, с. 24; 9, с. 512, 513; 14, с. 260].

Татар-Бунарское восстание оказалось быстро подавленным. В декабре 1924 г. был раскрыт «заговор» в Измаиле и Кашуле, а в январе было подавлено восстание в Белко. События осени — зимы 1924/1925 гг. в Бессарабии, к которым были причастны Москва и Коминтерн, являлись актами последней волны революционного наступления в мире, отдельными сюжетами которого были также попытка коммунистического переворота в Эстонии 1 декабря 1924 г. и подготовка восстания в Болгарии. Впрочем, восстание в Бессарабии вспыхнуло скорее стихийно, а не по непосредственному приказу из Москвы. Хотя мировая общественность была возмущена румынскими репрессиями, но и СССР был серьезно скомпрометирован. В 1925 г. со страниц журнала «Красная Бессарабия», в публичных выступлениях Раковского видны попытки обелить советский след в восстании. Демагогически заявлялось, что если бы Советский Союз был организатором восстания, то он помог бы оружием [10, с. 26, 27, 30].

Дискуссия в советском руководстве относительно продолжения деятельности «Активной разведки» на бессарабском направлении. 28 августа 1924 г. политбюро ЦК поручило НКВД рассмотреть целесообразность продолжения работы советско-румынской пограничной комиссии. В сентябре же произошло восстание в Татар-Бунарах, которое стало неожиданностью для Москвы. В итоге 15 января 1925 г. было санкционировано сохранение комиссии [15, л. 2; 16, л. 2].

Впоследствии ИККИ и Румынская компартия осудили Татар-Бунары как авантюру, пришедшую к бесполезной растрате сил, хотя сам Г. Димитров признавал, что «мы политически использовали это восстание». События показали, что тактика «Активной разведки» и «советской подпольной дипломатии», направленная на дестабилизацию внутреннего положения во враждебных странах, снабжение оружием нелегальных просоветских организаций, становилась опасной для нормального сосуществования с лимитрофами. 25 февраля 1925 г. в постановлении политбюро ЦК «в связи с установлением более или менее нормальных отношений с прилегающими к СССР странами» говорилось о ликвидации «Активной разведки». Подчеркивалось, что «ни в одной стране не должно быть боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство», однако для Бессарабии делалась оговорка: изменение указанных методов работы могло иметь место, но только по особому постановлению политбюро [9, с. 500, 570; 17, с. 12, 13; 18, с. 304].

13 марта 1925 г. комиссии в составе В. В. Куйбышева, И. С. Уншлихта и М. М. Литвинова было поручено рассмотреть проект Положения о подготовке диверсионных действий в тылу противника в контексте изменения методов работы Разведупра в Бессарабии и Польше. На следующий день политбюро ЦК утвердило предложение Уншлихта и Фрунзе об окончательной ликвидации «Активной разведки» [9, с. 391, 392; 19, л. 87]. Тем временем к заседанию политбюро 26 марта был подготовлен проект упомянутого положения. После выступления всех членов комиссии было принято постановление о работе в Бессарабии, в котором отмечалось, что румынская компартия в нынешней обстановке не может руководить развивающимся крестьянским движением в Бессарабии. Поэтому Разведупру разрешалось при участии и под контролем КП(б)У и молдавских партийных руководителей использовать существующие среди бессарабских крестьян связи и боевые организации для содействия созданию беспар-

тийной революционной организации под лозунгами освобождения от румынского гнета, раздела помещичьей земли и соединения с СССР. Постановление содержало крайне противоречивые интенции: освобождение Бессарабии «должно быть достигнуто собственными силами», однако «содействие вооружению крестьянства в настоящее время не производить вплоть до особого постановления» [19, л. 94, 95]. Необходимость сохранения готовых боевых организаций на территории противника обосновывалась активизировавшимся антисоветским сближением западных лимитрофов СССР, которые 31 марта — 2 апреля 1925 г. провели совещание руководителей генштабов в Риге. 3 апреля политбюро ЦК постановило «активизировать разведку и всемерно использовать национальные противоречия на окраинах этих государств» [19, л. 108]. Таким образом, революционный фактор советской политики в бессарабской проблеме консервировался, устанавливалась прямая зависимость его реализации от советских геополитических планов и решений политбюро ЦК по вопросам революционного движения в Юго-Восточной Европе и на Балканах.

В ноябре 1925 г. политбюро ЦК ВКП(б) окончательно утвердило структуру руководства бессарабским движением. Отныне за коммунистическое движение в Бессарабии была ответственна КП Румынии, именно ей поручалось создание революционных крестьянских организаций в Бессарабии и управление бессарабскими коммунистическими организациями. При этом считалось «абсолютно нецелесообразным и недопустимым какое-либо смешение функций между организациями Разведупра и собственно партийными организациями» [19, л. 196, 197]. Однако заявленное требование оказалось трудноосуществимым на практике — на местах в Бессарабии и МАССР подпольные коммунистические и повстанческо-разведывательные организации были слишком переплетены. Поэтому 11 февраля 1926 г. политбюро ЦК вновь потребовало у Уншлихта окончательно разграничить функции Разведупра и партийных организаций в Молдавии в течение месяца [20, л. 20]. В 1927 г. политбюро еще раз определило параметры работы Разведупра: «избегать повстанческих настроений», но при этом продолжало финансировать украинское движение в Бессарабии, Буковине и Чехословакии [21, л. 50, 66]. К слову сказать, финансирование КП Румынии в разы уступало финансированию просоветских партий в других европейских странах. Так, в 1925 г. она получила всего 30 тыс. рублей золотом, тогда как КП Польши — 240 тыс., а французская компартия — 600 тыс. [18, с. 286]. Последний виток разработки стратегии революционных очагов на Балканах пришелся на весну — лето 1928 г., но уже с осени коминтерновская деятельность в бессарабском направлении окончательно уступила свою роль дипломатической [22, с. 272].

Таким образом, в 1925 г. произошла значительная корректировка советского курса в бессарабском споре, ориентированная на устранение революционно-повстанческих методов борьбы. На митинге на гарнизонном собрании в Москве 16 февраля 1925 г. М. В. Фрунзе заявил, что «военная кампания против Румынии будет непродолжительной и победоносной, но наше глубокое стремление к миру позволяет румынским боярам издеваться над поработенными трудящимися Бессарабии и Буковины, но сохранение мира и факт наших мирных успехов приведет к разрешению целого ряда вопросов, в том числе и вопроса о Бессарабии» [23, с. 15]. Татар-Бунарское восстание еще более осложнило советско-румынские отношения и привело к фактическому прекращению диалога Москвы и Бухареста на четыре года. Но именно благодаря провалам последних выступлений — отголосков идеи «мировой революции» утвердилась линия на мирное сосуществование советского государства со странами Запада.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Репин В. В. «Бессарабская проблема в переписке полномочного представителя СССР в Великобритании Х. Г. Раковского и заместителя народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова (декабрь 1923 г. — февраль 1924 г.) // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2011. Вып. 6. С. 251—274.

2. *Копанский Я. М., Левит И. Э.* Советско-румынские отношения после Венской конференции (март — апрель 1924 г.) в контексте международной политики // Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы: политика, культура, историография : сб. ст. / редкол. : И. Э. Левит. Кишинев : Штиница, 1989. С. 6—28.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 35 — Материалы о государственной деятельности Г. В. Чичерина — НКВД РСФСР — СССР. Взаимоотношения РСФСР — СССР со странами Западной Европы — Испанией, Нидерландами, Норвегией, Румынией, Чехословакией.
4. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП) / редкол. : И. К. Кобляков. М. : Политиздат, 1964. Т. VIII : 1 января — 31 декабря 1925 г. 862 с.
5. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х гг. : в 2 ч. / под ред. Р. П. Гришиной. М. : РОССПЭН, 2000—2003. Ч. 1 : Январь 1921 г. — май 1924 г. 2000. 712 с.
6. *Улуян Ар. А.* Геополитические взгляды российской правящей элиты на балканский регион с конца XIX века до 90-х гг. XX века (проблемы исторической политологии) // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века : сб. ст. / редкол. : Г. Г. Литаврин. СПб. : Алетейя, 2002. С. 260—274.
7. Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е гг. Документы и материалы / сост. В. А. Горный. М. : Наука, 1992. 269 с.
8. Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 32392. Оп. 1. Д. 32 — Статьи, речи, лекции тов. Фрунзе в бытность его на Украине, 1923 г.
9. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... М. : РОССПЭН, 2003. Ч. 2 : Июнь 1924 — декабрь 1926 г. 688 с.
10. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 290. Д. 4 — Московское бюро советского общества бессарабцев «Спасите татарбунарцев!».
11. РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 13 — Пограничные вопросы. Стратегические планы Советской России. Донесения II отделения Генштаба Польши в Варшаве.
12. РГВА. Ф. 308. Оп. 19. Д. 287 — Донесения польского военного атташе в Бухаресте о советско-румынских отношениях, 30 июня 1924 г. — 28 апреля 1927 г.
13. *Rotari Ludmila.* Mi'careea subversivă din Basarabia on anii 1918—1924. Buc. : Editura Enciclopedică, 2004. 299 p.
14. Советско-румынские отношения. 1917—1941 : сб. док. : в 2 т. / редкол. : А. А. Авдеев (рос. ч.), М.-Р. Унгуряну (рум. ч.). М. : Междунар. отношения, 2000. Т. 1 : 1917—1934. 456 с.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 460 — Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) № 20 от 28 августа 1924 г.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 485 — Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 15 января 1925 г.
17. Материалы «особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923—1944 гг. : сб. док. / ред. И. И. Костюшко. М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. 142 с.
18. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919—1943 гг. Документы / Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории / под ред. Г. М. Адибекова. М. : РОССПЭН, 2004. 958 с.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2 — Внутренняя опись копий протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б). № 1/1 оп. — 94/73 оп. 3 июня 1924 г. — 10 декабря 1925 г.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3 — Внутренняя опись копий протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б). № 1/1 оп. — 56/43 оп. 7 января — 30 сентября 1926 г.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4 (Внутренняя опись копий протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б). № 58/44 оп. — 100/78 оп. 7 октября 1926 г. — 5 мая 1927 г.
22. *Улуян Ар. А.* Коминтерн и Балканы: революционная геополитика. 1919—1938 // История Коммунистического интернационала. 1919—1943 : документ. очерки / РАН, Ин-т всеобщей истории ; редкол. А. О. Чубарьян (отв. ред.). М., 2002. С. 254—292.
23. РГВА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 90с — Доклад тов. Фрунзе на гарнизонном собрании в городе Москве 16 февраля 1925 г. «Международное положение СССР и наши военные задачи».